

Приложение к № 197 газеты «Великолукская правда»

«Писать — как дышать...»

Посвящение Светлане Молевой

7 ноября 1946 г. в поселке Чихачево Бежаницкого района Великолукской (теперь Псковской) области родилась Светлана Васильевна Молева (7 ноября 1946 г. – 8 февраля 2005 г.) – поэт, публицист, редактор «Лениздата», член Союза писателей СССР. Стихи Светланы Молевой при первом прочтении оставляют в душе след бесконечно мудрого откровения. Читаешь, и понимаешь, она – настоящий Поэт, который не только сам идет дорогой Истины к Богу, но и ведет за собой своих читателей. Представляем «Посвящение поэту».

Летний вечерний покойный
задумчивый час.
Тает, дрожит, исчезает
серебряный крест.
Здесь мне покоиться тихо-претихо,
Бог даст,
Благо пожить мне на свете
оказана честь.

Благо все так же цветы полевые
звенят,
Благо все так же струится
родимая речь,
Благо была у меня и любовь, и родня, –
Было кого и оплакивать, и пожалеть.

Плитами, плитами крепится
древний бугор.
В храмовой сини сирень опадает шурша.
Жаль мне оставить тебя, синеокий
простор...
Не улетай, поселись недалече, душа!

Как я узнаю, светлы ли мои зелены?
Как я узнаю белы ли снега на Руси?
Господи, кто-нибудь там попроси
за меня,
Господи, кто-нибудь там за меня
попроси...
(1988)

Когда берешь в руки сборник стихотворений какого-либо автора, всегда с трепетом ожидаешь всепронижительного откровения, некоего озарения. И уже с первых строк ты или влюбляешься в эту поэзию, или прощаешься с ней навсегда. Стихи Светланы Васильевны Молевой при первом прочтении оставляют в душе след бесконечно мудрого откровения. Читаешь, и понимаешь, она – настоящий Поэт, который не только сам идет дорогой Истины к Богу, но и ведет за собой своих читателей. И дело даже не в том, что в ее творчестве множество стихов посвящены православной теме, важно другое – в них присутствует та искра Правды, о которой говорил еще благоверный князь Александр Невский перед победной битвой со шведами «Не в силе Бог, а в Правде». Ведь чем ближе писатель или поэт к Богу, тем больше света и мудрости в его строках, ответов на те вопросы, на которые мы все всю жизнь ищем.

Дар Слова проявился у Светланы Васильевны очень рано, она начала писать стихи еще в школьном возрасте. Для столь юной поэтессы они были уникальны:

Я люблю вас,
Здравствуйтесь, люди!
Познакомимся: это – я!
Может статься, что с вами будет
Жить когда-нибудь
Песня моя.

Я люблю вас!
Ведь наше небо,
Наше солнце –
На всех одно.
Я хочу, чтобы в россыпи хлеба
И мое лежало зерно.

Чтоб и в праздничный день,
И в будни
Вы меня называли: своя!
Вот рука моя,
Здравствуйтесь, люди!
Познакомимся, это – я!

С детства родители, хорошо знавшие и любившие русскую литературу, привили и девочке любовь к поэзии. Светлана с ранних лет читала наизусть А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, С.А. Есенина. Рисовала, играла в школьном духовом оркестре, была активной общественницей. В семнадцать лет начала публиковать свои стихи в псковской молодежной газете «Молодой ленинец». Это было чудесное рождение Поэта, публикации принесли ей известность. В восемнадцать лет девушка поступила на заочное отделение Литературного института имени Горького, и в кругу её друзей появились известные во всем мире люди: поэт Н.М. Рубцов, драматург А.В. Вампилов. Вскоре благодаря маститым псковским поэтам Л.И. Малякову и И.Н. Григорьеву, редактору Б.Г. Друяну выходит ее первый персональный литературный сборник стихов «Подснежники». Критики оценили ее по достоинству, отмечали задушевность, живую непосредственность и точность деталей в стихах Молевой.

Борис Григорьевич Друян был первым редактором стихов Светланы Васильевны, и в какой-то мере даже критиком. На одном из вечеров, посвященных памяти поэтессы, он вспоминал: «В 1965 году я работал в «Лениздате». Туда пришли два поэта из Пскова и подарили сборник стихов «Искристые росы». Мы такие коллек-

тивные сборники называли обычно «братскими могилами». Но это, конечно, из области черного юмора, сборники интересны тем, что дают общую поэтическую картину края. Привезли из Пскова и рукопись книги стихов Светланы Молевой. Мне ее стихи очень понравились. А когда она приехала в Ленинград, мы помогли ей издать первую книжку «Подснежники», минуя обычно долгие издательские процедуры. Я недавно перечитал эту книгу, стихи в ней столь же свежи, как в те годы, они выражены в спокойных неярких тонах и столь же теплы, как природа псковского края. Светлана была счастливым человеком – красивая, умная, талантливая, добрая. Ее стихи останутся неповторимым оттенком в палитре русской литературы».

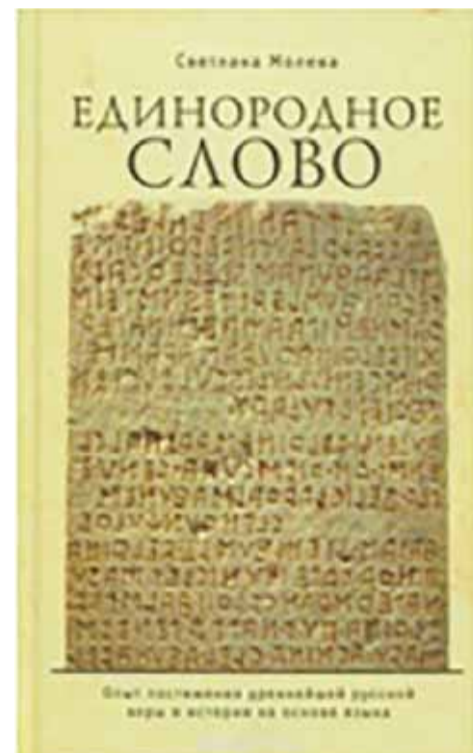
Тем не менее после выхода первой книги, да еще столь успешного, развития творческой карьеры не случилось... Работа в издательстве «Лениздат» отнимала много сил, времени, энергии, но нравилась девушке, ибо проработала она там около двадцати пяти лет своей жизни. Счастливо вышла замуж за прозаика и критика, коренного ленинградца Михаила Евстратовича Устинова. Жизнь была ключом! Редакторская деятельность принесла успехи. Работая в издательстве, многих петербургских и псковских поэтов она вывела на дорогу поэзии, поддержала чуткостью своего сердца, редким даром хорошего отношения к людям. Стихи писала, но не публиковала.

Лишь в 1975 году вышла книга стихов «Сто дней весны», а в 1978 – «Ожидание встречи», и через восемь лет, в 1986 г. – «Белый берег». Всего сборников было семь: в 1990 году был издан сборник «Здравствуйте, травы», в 2002 году – «Забывшие песни: стихотворения, поэма», в 2011 М.Е. Устинов подготовил к изданию неопубликованные ранее стихи, которые

составили книгу «Дальний свет: избранные стихи. Воспоминания».

В конце 1990-х супруги переехали в Псков. Известный псковский прозаик Владимир Клевцов в «Литературных портретах» отмечает: «... Появление их было сродни появлению из эмиграции в 1922 году писателя Алексея Толстого – тот же интерес, желание познать, засвидетельствовать почтение. Поселились приезжие в очень хорошей квартире на улице Гоголя, которая стала почти литературным салоном: сюда входили то робко, памятуя, что Молева требовательный редактор, а Михаил критик, то шумно и весело, на правах старых друзей...». Чуть позже они открыли собственное частное издательство «Отчина».

Последние годы Светлана Васильевна занималась исследованием памятников древнейшего русского докириллического письма. Потрясенная событиями, произошедшими в России в конце XX столетия, она начала работу над серьезным историко-философским трудом «Единородное Слово: опыт постижения древнейшей русской веры и истории на основе языка».

«Эта работа представляет впервые осуществленный перевод древнейшего из всех доступных современной науке русских текстов, который насчитывает около трех тысяч лет. Ныне он известен как текст Перуджиданского камня и до сего дня оставался непередаваемым памятником этрусской письменности. Открывающиеся в переводе сведения дают возможность приподнять многовековую таинственную завесу над глубочайшими пластами русской веры и русской истории, современными самым древним цивилизациям мира», – читаем мы в первой главе под названием «Слово об ариях» Памятник русской письменности X–IX вв. до Р. Х».

«Это прозаическая книга, по существу, научное исследование, – подтверждает эту мысль Михаил Устинов, – но написанное столь ярко, что иные страницы не уступают высокой поэзии. Ее «Единородное Слово» возникло как ответ, как сопротивление, как вызов тем творцам беззакония, кто, уничтожив нашу память о прошлом, нынче тщится лишить нас и будущего...». Действительно, книга написана в изящной и увлекательной форме, что делает ее доступной и интересной и широкому кругу читателей, и узким специалистам.

Она была издана в Пскове в 2000 г. небольшим тиражом, а ее актуальность и глубина исследования сразу привлекли внимание специалистов Государственной исторической библиотеки Москвы и Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга.

(Продолжение на стр. 6, 7, 8)

«Писать — как дышать...»

Посвящение Светлане Молевой

(Продолжение. Начало на стр. 5)

И, безусловно, читателей. В 2014 году книга была переиздана в издательстве «Алетейя» с напутственной статьей Владимира Личутина.

Быть может, проживи чуть больше, Светлана Васильевна сделала бы прорыв, открытие в науке языкознания. Но, нет. Ее жизнь не была радужной: превратности судьбы, больные родители, воспитание дочери, двоих внуков, социальные перемены — и все это легло на хрупкие женские плечи. И болезнь... Тяжелая, страшная, долгая. Время переосмысления жизни, истории, судьбы России. Светлана Молева ушла из жизни рано, в возрасте 59 лет. Захотела похоронить себя в Пскове, на Мировицком кладбище.

Так бывает: уходят лучшие из лучших, сгорают, согревая всех вокруг. Как пишет ее супруг в статье «Слово о Свете», «Жить для нее значило — писать стихи <...> светить и сгорать, но и, сгорая, согревать людей. И стих не расходился с делом...».

И еще: «Писать — как дышать...».

Какой немислимый простор!
Какие дали, реки, избы...
Жить,
Жить всегда!
И чувство жизни
На миг охватит,
Как костер.
А дальше —
Не хватает глаз:
Так ярко,
Холодно,
Печально,
Так вдохновенно до отчаянья,
Как будто все — в последний раз.

Интонация лирической надрынности, душевного порыва прослеживается во всех ее стихах. Они будто напоминают молитвы, настолько проникновенны и мудры. Некоторые исследователи ставят поэзию Молевой вровень с творчеством Сергея Есенина. И не случайно, ведь в каждой

строчке этого «московского озорного гуляки» — откровение... Господь в его стихах — повсюду. Он не только взирает на Русь с высоты, но и ходит по ней, совсем рядом, рука об руку с поэтом. А стихи расходятся по миру, будто колокольный звон... Такая же одухотворенность и в стихах Молевой, они полны чудной музыки, и, отряхая нас от обыденной суеты, они влекут в мир идеальной, небесной красоты:

Целый мир —
И звезды, и долины,
Радость, слезы, песни и рябины, —
Все, что мнилось жизнью и судьбой,
Унесу однажды я с собой.
Унесу туда, где света малость
Поглощает змей вселенский — хаос,
И, смиряя ужас и восторг,
Стану там, куда укажет Бог.
Стану там — пылинкой перед бездной,
Перед тьмой — загадкой бесполезной.
...Но откуда, ширясь и светясь,
Новый мир, неведомый и сильный,
Вдруг родится — мир Отца и Сына,
Где резвится голубь, как дитя.

Виктор Кречетов работал со Светланой Молевой в издательстве «Лио-редактор». «Впервые ее стихи, — рассказывал он на одном из памятных вечеров, — услышал по радио. Я почувствовал, что они пронизаны плачем о Родине, она русскую историю примеряла на себя и все горести страны, особенно перестроечного периода, воспринимала, как боль своего сердца...».

Так и есть: судьба Родины и личная судьба — едины в творчестве Светланы Молевой. И в этом единстве совмещаются ад и рай, безудерж бесовских сил — и веянье Божьей благодати ...

...Легкий вздох, душистый вереск —
Все у Господа в горсти.
На Руси нельзя не верить,
Только выдохнешь: «Прости»...

...Эти северные лица,
Уходящее тепло.

На Руси легко молиться —
Только выжить тяжело...

Картины Руси обнищавшей, разоренной, исполненной горя и страдания, открываются во многих стихотворениях. В книгах «Сто дней весны» (1975), «Ожидание встречи» (1978) поэтесса пристально вглядывается в человеческое сердце, а личный опыт и народные понятия о жизни выражает в единстве современных и фольклорных мотивов. А вот книга «Белый берег» (1986) наполнена иными смыслами: памятью о доме, всепроникающим ощущением Родины... Да и события 1990-х гг. перевернули сознание С.В. Молевой, поэтому лирическая просветленность, присущая предыдущим стихам, сменяется здесь интонациями плача, причитания, тихой скорби.

Мне кажется, я не живу давно
Или живу не здесь, не в этой яви.
Стоит весна во все мое окно,
Но и она, бесстыдная, лукавит.
И свежий лист, и птичий пересвист,
И все, что здесь бунтует пьяным
соком...

Сукровные мои, призрите вниз,
Излейте свет икон — небесных окон.
Утишит душу золото лучей, —
Во сне я это видела воочью...
Сукровные, вы знаете, зачем
Цветет земля больною и грязною
плотью, —
Откройте мне. И станет легко крест.
Стези спрямятся, смерть

не испугает...
Но все безумней соловьиный треск!
Стоит весна в окне полунагая.
И, может быть, узнаю я ответ,
Зачем весь путь — жестокий,
исповедный,
Когда сама я стану — просто свет
На рушнике и на распятыи медном.
(1999)

Многие пути ведут к Господу... И каж-

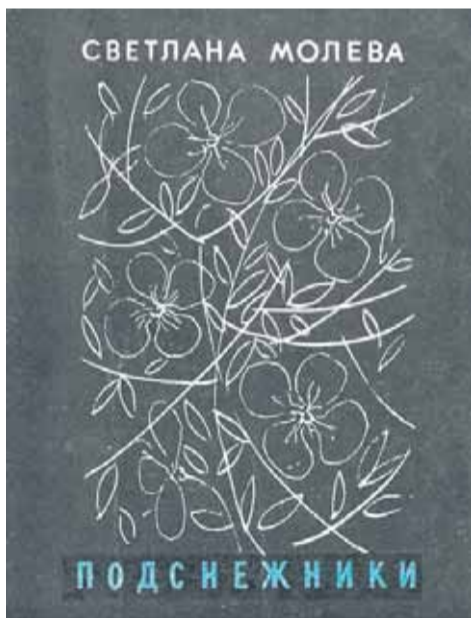
дый несет свой крест. Тяжелая болезнь Молевой была одновременно и ее тяжким крестом, и ее очищением. Понимая, что ее дни сочтены, она ценила каждый миг, безудержно хотела жить, и никогда не переставала творить... Покинула Светлана Васильевна земной мир 8 февраля 2005 г., оставив после себя след прекрасного поэтического откровения...

...Как смирилась, простилась,
закрыла глаза —
И открылось мне то,
что нельзя рассказать.

Там, ни дня и ни ночи —
Молитва без слов.
Там ни дня и ни ночи —
Молитва-Любовь.

Там ни дня и ни ночи — Молитва одна.
Кется тканью живою над миром она.

Из поэтического сборника «Подснежники»

В тебе, Россия, каждый листик
И тот по-своему поет!
Мне по душе твой голос чистый:
В нем, распрямившись, день встает.

В нем озорника
И забота,
Проворной юности шаги,
И в день распахнуты ворота
Широкой радуги-дуги!

А люди пробивают скалы
И тянут вдаль жгуты дорог.
Пугливо
Гордецы моралы
В тайге разбрызгивают дробь.

По-детски солнечны и тонки,
Пришедшей радуясь весне,
Простоволосые девочки
Доверчиво смеются мне.

Тот смех —
К твоим напевам слово.
Им петь да петь,
Им жить да жить —
Проходчикам пути земного
И космонавтам, может быть.

Их путь ракетой в небе выжжен,
Испытан в грохоте атак...
Мне тоже время петь.

Прости же,
Коль что-нибудь спую не так!

РОЖДЕНИЕ

Родилась я в селе на Псковщине,
Где июли голубят лен.
В день мой
Стужа ходила рощами
И отряхивал листья клен.

На последних ромашках побеленных,
В строгой хмури пустых полей,
Ветер мне играл колыбельную,
Дождь подыгрывал
С первых дней.

Натекал, согретый рябиною,
В два оконца неровный свет...
И назвали б меня
Ноябриною,
Да такого имени нет.

Утверждать не могу
И не стану я,
Но хотелось бы верить мне,
Что назвали меня
Светлаюю
В честь седьмого дня в ноябре!

Даль
Да лес в начале дали.
Мне так боязно:
Ведь — далёко!..
Под ногами — проселок:
Осока,
Две узехонькие колеи.

Долог,
Долог дороги бег!
Встал... и снова осоку сминаешь.
Не уйдя в тебя, разве узнаешь,
Что ты, даль, затаила в себе?

Торопливый,
Зря не беги!
Спешный путь — это рейс порожний.
Есть о чем поразмыслить на пожне.
Есть о чем!
Замедли шаги.

Поостынь...
Колоколец зовет!
Слушай:
Ширится, нарастает.
Словно колокол,
В небо взлетает,
Долгим звоном в безветерье бьет!

Бьет, горюет...
О чем? О чем?
Разгадай,
Разгляди невидимку,
Приобщись к его поединку,
Сможешь — песней,
А нет — плечом!
Весь он — радость,
Весь он — печаль,
Глухоты поединки и гула!..

Я иду,
Я в тебя шагнула!
Что?
Что в сердце приму я, даль?

+++

Игорю Григорьеву

Над избами,
Над переправой,
Над гребнем огненных лесов,
Над примороженной отавой
Вонзился в сумрак
Горький зов!

Вожак крылами тяжело машет,
Снижаясь, кличет,
Бьется зря:
Ведь гусям не понять домашним,
Что значат вольные края.

Ведь жирным гузнам
Птичник — участь
Пастух
Да сытая еда.
И клич, тревожный и могучий,
Не оторвет их от пруда.

Пусть не бегут с тоской за стаей,
Пусть не шумят —
Не улететь.
А дикие по ним рыдают,
Когда о небе надо петь!

ИСТОКИ

Боль и славу русского сердца
Помнят снятые колокола.
В сером небе —
Навзлет купола,
Но куда от земли им деться?

Но куда от земли? Куда?
Приземленным,
Лететь им вечно!..
Предвещая ненастный вечер,
Низким басом гудят провода...
В узких стенах

Столетиям тесно —
Рвутся в завтрашнее из вчера!
Кто те древние мастера,
Что из камня сложили песню?

Песню ранили тучи стрел:
Сотни лет, тьму ночей бессонно
Выл поет,
Бил набат стозвонно,
Дымно, кровью закат горел!..

В тучах, к самой земле прибитых.
Полыхает молнии меч!
Опадает с каменных плеч
Ратный звон
На глухие плиты.

Разгулялся пустынный плес,
Бьет Великая
Зло и вольно!
Безъязыкие колокольни,
Словно витязи — против гроз!

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА
(Перед картиной В. Сурикова)

В неразберихе суеты и шума —
Пугливый храп коня, тяжелый шаг:
Везут раскольницу в собольих шубах
На нищих дровнях
Сквозь толпу зевак.

— Везут сердешную!..
— Давненько надо бы!..
Еще потеха — в тысяче потех.
Над всем — раскол.
Толпа разбилась надвое:
Налево — слезы, Одесную — смех.

Над всем — раскол:
Непрочна прочность мира,
Отныне веру незачем беречь.

А над толпой — подъятая секира:
Ей все равно, кого и что —
рассечь!..

Ники, юродивый,
Цыц, побирушки,
Плаксивая сударынька, замри:
На луковице праведной церквушки
Уже взыграл кровавый луч зари!..

АЛЁНУШКА

(Перед картиной В. Васнецова)

В пруду звезда едва-едва
Дрожит,
У ног – кувшинок свечи.
«Прильни ко мне, пади на плечи,—
Лепечет одолен-трава. —
Печали на меня осыпь,
Ведь тяжко гнуться в темный вечер!..»
«Очнись, опомнись, —
Кычет выпь, —
Мягка трава, да вечна глыба.
А горевальный час не вечен!..»
Но что ей травы, что ей выпь? —
У ног звезда дрожит и манит..
Сейчас она над камнем встанет,
Вздохнет,
Шагнет —
И канет в зыбь.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Здесь был закон:
Живот — за душу,
Живот — за смуту,
Сто — за трон!..
Свистели плети,
Рвали уши..
Узор менялся у корон.

А сильный правил,
Слабый плакал,
Лелеял хитрый злую лесть.
Дымилась кровь на страшной плахе,
И алтари сжигала месть.

Святой и тать —
Тут всяк обманут,
Оболган,
Проклят навсегда.
Теперь никто уже не встанет,
Хоть оболги, хоть оправдай.

Горю над плитами иль празднуй —
Забывчив мир.
Забыто зло.
И место лобное на Красной
Травой безвинной поросло.

**У ГОРБАТОГО МОСТИКА
В МИХАЙЛОВСКОМ**

Зеленый свет упал от полумесяца
На плечи хрупких, тоненьких перил...
Горбатый мостик,
Кто тебе мерещится?
И эхо чьих шагов ты повторил?

ПАМЯТЬ

Я долго в сердце сберегу:
Уж первые покосы сохнут,
Повесил голову подсолнух,
И где-то дальше «ку-ку».

Ушедшая под самый лес —
Рожь, рожь косым зеленым клином!
Родной пейзаж родимых мест
Под облаком под лебединым!

Средь горя нас растила ты,
На милость уповая Божью.
Но упрекнуть тебя не можем,
Что мы не знали доброты.

Была иль не была беда —
Крыльцы скрипели,
Пели ведра.
Для нас, для малых,
Ты всегда
Веселою была и бодрой.

Веселою —
Не горевой,
Слезу свою звала росой.
Ты пахла вскопанной землей
И разогретою травой.

Ты нас, шумливых ребятят,
Учила ждать
И верить сказке.
О сколько, сколько от тебя
Мы взяли радости и ласки!

ЦИРК

Трещотки стихли.
Молчат сирены.
Огни качнулись, чтоб замереть...
По тонкой проволоке над ареной
В штанишках клетчатых идет медведь.

Зал любопытен и полутемен.
(А всё ведь, зал, на потеху тебе!)
И грустный клоун, как заведенный,
Всё повторяет:
«Алле, алле!..»

Но кто-то вскрикнет,
И кто-то ахнет,

Когда накренился резко шест!..
А у медведя под красной рубахой
На шее стерта седая шерсть.

Большое тело тяжко и шатко:
Пройти — нельзя,
И упасть — нельзя.
Из-под веселой шутовской шапки
По-человечьи глядят глаза!..

И так — сегодня,
И так — веками:
Смолкают трубы, стихает жесь...
А я, закрывши лицо руками,
Твержу:
— Осмелься!.. ведь в лапах — шест!

+++

Не нам понять, что — радость,
что — печаль:

Мы как машины, созданные нами.
«От ульев, называемых домами,—
В отчаянье твержу себе, — отчаль!»
Но время все сгибает, как лозу.
Душа не в счет, хоть люб,
хоть нелюб кто-то.

А у машин — недобрый смех в глазу:
«Настанет день — мы вам смахнем
слезу

И осушим последнее болото!..»
Припомним жизнь с истока,

по порядку.
Привыкли: всё как надо, — ровно,
гладко.

(И я, как робот, по часам живу.)
Но за полночь горит мое окно,
Под самым сердцем разломались
гусли...

Ах, каждый день о ком бедуют гуси?
Но лишь живому их понять дано.

ЗАПОЗДАЛЫЙ АИСТ

Тремя окошками — в лесок,
Крыльчком — в сторону заката,
Стояла одиноко
Хата,
Держа на крыше колесо.

На нем жильё собрать — пустяк.
Но птицы пролетали
Выше, —
Не вили аисты на крыше
Гнезда счастливого никак.

В предутренней спешили мгле
За стаей — стая, клин — за клином.
И каждый год — всё мимо.
Мимо.
А хату горбило к земле...

С другой,
С нежданной стороны,
Однажды ночью торопливо
Большие аистовы крылья
Закрыли тонкий серп луны.

Всю ночь он крышу сторожил,
Усталый, в черно-белом платье.
И, может, было б счастье
Хате,
Да в ней уже никто не жил.

ПСКОВЩИНА

Тебе навстречу иван-да-марья —
Неброский с виду буйноцвет.
А солнце,
Вздыбленное над хмарью,
Заливает светом белый свет.

Ходи,
Дыши
И дивись раздолью,
Гляди, как родина хороша!
Любой попотчует хлебом-солью —
У псковитян широка душа.

Зови, не бойся —
Скобарь ли, скобарь, —
Валяй как знаешь, да не забудь:
Тут наши пращуры гнули скобы,
Каких другим
Вовек не согнуть.

Здесь не бряцали зазря мечами —
Врагам платили за всё сполна,
Любые громы лицом встречали, —
И песнь вольна, И рука сильна!

Эй, путник!
Близко ль живешь, неблизко,
Но здесь, в глубинах русских полей,
Ты поклонись горячо и низко
Распахнутой
Древней земле моей!

ЗЕЛЕНАЯ ТИШИНА

Край мой, край,
Задумчивый и росный,
С коромыслом радуг за плечами.
В той глуши приветливые сосны
В мягких лапах солнышко качают.

Бабье лето там гуляет жарко,
Хоть гуляет —
Нас не забалуует:
В полдень — жажда,

До заката — жатва,
Снов коротких крепки поцелуи.
Мы —
Еще девчонки-перепелки,
С быстрым взглядом, по-скобарски
синим, —

О твои шальные солнцепёки
Обжигались,
И не раз,
И сильно!

Здесь теперь другие,
И не хуже,
Сноп к снопу, улыбочивые, вяжут.
Хмель детства больше не закружит,
Прежних сказок сосны не наскажут.

Только сердце всюду отзовется
На глубокий вздох твоей тревоги,
Край мой — август,
Вызревшее солнце
И стихов невыдуманных строки!

+++

Мне всех радостей не отрадовать:
Хочу в озорное небо!
Вновь замешаны хлебы на радугах:
Круты радуги — круты хлебы.

Нива-нивушка, нива бражная,
Полный колос клонится ниже.
Чу! Стрекочет комбайн оранжевый,
Подпирают яблони крыши.

В знойном полдне, в полночной стылости
Зреет ягода — меда слаще.
Ожидая, власть нагрустилась я
По грибной затененной чаще.

Мне за ворот падают весело
То хвоя, то овсяные зерна,
И вода сверкает, как лезвие:
Лето, лето в краю озерном!

+++

Ветки старых одичалых вишен
Намертво за окнами сплелись.
Плачет голубок навзрыд под крышей,
Кличет,
Кличет,
Кличет:
отзовись!

В медном блюде стук хвостов
лещиных,
Рыбы на заре наудил дед.
Бабкина рука, в узлах, в морщинах,
Отряхнула яблоневый цвет,

Осенила лоб под образами —
Тень перекрестилась на стене.
Я лежу с прикрытыми глазами.
Хорошо,
Тепло
И грустно мне.
Дед басит:

— Буди ее, плутовку! —
Бабушка воркует:
— Встань, Светок!
Ты, кровинушка, сгоняй коровку,
Ну, а я пока спеку пирог.

Прохожу задумчивые сени
И шагаю белым росным днем:
— Здравствуй, дом,
Давно забытый всеми!
Здравствуй, сад с поваленным плетнем!

ЛЕТО

В истоке лето
Даже плачет-пляшет.
В нем слышно гроз и тишины кипенье.
И небо — чашей,
В сто оттенков чашей.
И ночь как день,
А день — одно мгновенье.

В середине лето —
День вздымает круто,
Трубит вовсю в сиреневые трубы,
Едва лишь зорька поцелует утро
В холодные и голубые губы.

А в устье лето
Сыплет мглистым светом,
Тот полусвет и пуст, и откровенен.

И перепев остуженных рассветов
Сжимает грудь смятением осенним.

КРУШИНА

Сосны — к ста годам,
Елки — к ста годам,
А меж ними-то — крушина,
Чёрна ягода!

Ветки долу гнет,
Росну сладость пьёт.
Неприглядна, несъедобна,
И к чему растёт?..

И случись со мной,
(Не со мной одной) —
Я корзинку крушины
Принесла домой.

Бабка охала,
Сечкой грохала:
— У тебя глаза — по ложке,
Что ж ты хлопала?

Бабка кривит рот:
— Ну и ну, народ:
Кто такую растеряху
За себя возьмет?..

На ее вопрос
Хочу до слез:
Тот, кто сватался наемни,—
Сам корзинку нес!

+++

В деревне — пять домов.
Прижались тесно:
Сподручней в стужу стены отогреть...
Судачит бабка:
— Нынче что за песни!
Зазря слагаешь,
Некому их петь.

— Людей не густо?
— Аль сама не знаешь?
Соседкин сын — шофер на целине,
А внучка Катюшка в святки вышла
замуж, —

И то сказать,
Хлебнй на стороне.

Звала и нас,
Да где уж нам болтаться:
В земле прожили —
Здесь и помирать.

А вон у Дарьи сопляку — пятнадцать,
И тот собрался в город тягу дать...

А песни были,
Вправду песни были.
Всласть перепето на веку моем!
Бывало, пряли или молотили,
И в горюшке, и в радости —
Поём.

При деле жили.
Век свой торопились.
Не прохаждались каждый день в году...
Теперь бы жать,
Гляди, поля налились!
А ты — про песни
В самую страду.

Там, за иконой, Катюшкин тетрадка, —
Вези с собой, читай, коль разберешь.
Прощай... —
И я ушла, вздохнув украдкой.
И все текла,
Все осыпалась рожь.

А на меже шмели себе гудели,
И здравствовала гибкая лоза...
И долго-долго мне вослед глядели
Насмешливые
Блеклые глаза.

+++

Много ль нужно?
Немного
Для детской утехи:
Костяники пучок,
Да в ладошке — орехи,
Да свистульку —
Заманчивей нету игрушки, —
Да летунью-стрекозку,
Да гриб на опушке.
Нет, для радости детской
Немногого надо:
Пару слив да ранетку,
Без спросу — из сада;
Да чтоб все было ясно,
По-доброму просто:
На песчаной косе —
Просмоленные весла;
Под босыми да быстрыми,
В цыпках, ногами —
Разогреть полднем
Шершавые камни,
И «пятнашки»,
Чтоб в бойких глазенках рябило,
Да чтоб небо
Как чистое стеклышко было!

(Окончание на стр. 8)

«Писать — как дышать...»

Посвящение Светлане Молевой

(Окончание. Начало на стр. 5, 6, 7)

+++

Косогоры и равнины:
Ехать,
Ехать
Да иди!..
Хоть считаю, не прикину:
Долго ль быть еще в пути?

Лишь приветливые лица
Да ленивый сквознячок,
Только рósцветь медуницы
Да полынь
У самых ног.

А дорога дышит, вьется,
Тараторит и пылит...
Пой, шути,
Коль песня льется!
Смейся всласть,
Коль смех звенит!

А беда — друзья не кинут,
А обиды —
Не всерьез.
От костров походных дымом
Наглотаешься хоть до слез.

Спи —
Рюкзак под головую, —
Утро ночи мудреней...
Вся земля перед тобою,
Далеко шагать по ней!

АВГУСТ

Смотрит август медленно и строго —
Осторожней,
Ничего не трогай:
Вон и так в закат упали вишни...
Я к тебе давным-давненько вышла.

Милый, милый!
В сумерках студеных
Разве глаз не видно удивленных?
Разве губ доверчивых не видно?
Что ж не встретишь?
Это так обидно.

Мне в беспутье августа — тревога:
То не трогай,
Этого не трогай.
Брызжет соком вызревшая вишня...
Я к тебе давным-давненько вышла.

+++

Ушла на сенокос,
Пришла с вечерней зорькой,
И от твоих волос
Полынь пахло горькой.

Цветных духмяных ласк
Ты нанесла с собою,
В спокойных искрах глаз —
Раздолье луговое.

А на запястьях рук —
Из васильков браслеты...
С тобой незримо вдруг
Меня обняло лето!

ПОЛДЕНЬ

Надо мной — ветерок,
И такой неуверенный, слабый.
Молчаливые ели —
Ногами в дремучей траве...
Подоткнувши подола,
В воде по колено бабы —
Загорелые лица
До самых пшеничных бровей.

Тишина.
Словно надвое
Солнце распалось от зноя, —
Покатилось, размазало в небе
Оплавленный жар:
Половина — в воде,
Половина висит над водою.
Обжигаются бабы лучами,
В горсти их зажав.

Им привычно. Хохочут.
На волнах качаются зыбких.
И, вконец разомлев,
Отжимая одежду в кустах,
Гомонят:
— В лапник, бабоньки, в тень!..

Я себе повторяю с улыбкой:
«В лапник...
В лапник иль в ельник?» —
Мне нравится этак и так.

+++

Ты в размах сенокоса,
В разгул сенокоса
Не гляди на ребят
Вызывающе косо.

На примятой копне
В стороне от подружек
Не шути с суховеем —
Он голову вскружит.

А потом от него —
Ни ответа, ни вопроса...
Осторожнее с сердцем
В разгул сенокоса!

+++

Куда б ни шла —
Сюда пути!
Зайду, взгляну нечаянно:
Мне не пройти,
Не обойти
Знакомый гул комбайна.

Сквозь рожь
Прокладываю ход
И осыпаю зерна я.
Мне снятся, может, целый год
Глаза твои озерные!

Ах, как хочу
Побыть вдвоем
С тобой хотя б минуту я!..
Бедует птица за селом,
Закат с восходом путая.

+++

Где ты, где ты? —
Кличут в три рога
Пастухи, перегоняя стадо.
Дышат выцветшим теплом стога
И уже немножко — листопадом.

Но еще подсолнух не готов:
Солнце
В солнце спелость наливают.
И восток узорчатых платков
Каждый день дарить не успевают.

Ты предосень любишь.
В самый раз!
Нынче и не поздно и не рано.
Не смыкает потемневших глаз
Тихая продрогшая поляна.

Не во сне увидишь — наяву:
С желтой проседью на лесе шапка.
Ты приди!
Зову иль не зову?
И не осень, а как будто зябко.

ЗЕМЛЯ

Ни конца у тебя,
Ни конца и ни края.
Не достичь горизонта —
Отходит и тает.

От Охотского моря
До Черного моря
Повидала ты вволю
И счастья и горя!

И не даром, не даром —
На радость и муки —
Ты в мужицкие влезла
Мозольные руки.

И за хлеб, и за воду,
Сырая земляца,
Всяк однажды захочет
Тебе поклониться!
Сколько раз
В ожиданье неравного боя,
Как с любимой,
Солдаты прощались с тобою!

А потом из окопов
Вставали упрямо!..
От могил их навек
На лице твоём шрамы.
Ты хлебнула досыта
И гроз, и печали.
И не зря тебя матерью
Люди называли.

+++

Гуляй:
Покос вошел в разгар!..
Не помню праздника отрадной:
Все собрались, и мал, и стар,
На сход, согласный и нарядный.

Сто лет полянам не сносить
Свою цветастую рубаху!..

Покос от века на Руси
Задором дружным перепахан.

Среди стогов — высоких вех —
Разлеты кос, льняных и русских.
Рассыпался в прокосы смех,
Как будто разорвали бусы.

Там в полдни пила, как вино,
Я холодок тенистых просек...
Июль-покос отпел давно,
Лишь знобким смехом сыплет осень.

+++

Что туманишь, лето?
Дело — к стуже:
Пригасают яркие гвоздики,
И, последним лучиком разбужен,
Вспыхнул лес,
И догорели блики.

А в кустах негромко куропатка
Крикнет «сплю!»
И всхлипнет под крыло.
Так дразняще и печально-сладко
Маем,
Медом с пасек намело.

Замирая, на весну надейся,
Не печалься, мой хороший сад;
Колокольчик осени, засмейся:
Не в последний раз на убыль месяца,
И костры в ночном
Светлей горят!

+++

Не шепчи, что любишь, —
Просто зря.
Я ведь утра этого не стою...
Дымною озерною водою
Моет плечи пенная заря.

Мы с тобою — в самом сердце света!
Затаи дыханье,
Помолчи —
Забубнят спросонок дергачи
На горячее шальное лето.

И пойдет рассветная молва
Листья, травы пробуждать живые...
Я теперь лишь поняла впервые,
Как грубы
Тончайшие слова.

ЛИСТОПАД ОСЕНЬ

Разлетаются гуси-лебеди.
Возвратятся —
Верю, верю я!
Делят щедрые гуси-лебеди
Синим рекам белые перья.

Обернись, лебединое облако,
В теплый май
Над холодным прудом!..
Низкий ветер по полю волком
Поспешает:
Куда? Откуда?..

Вот и всё:
Сжата рожь и смолота,
Ток дождями давно ухожен.
Мил в рубахе с вышитым воротом
Ловко белых коней треножит.

Брось коней,
Подойди, откройся, —
С жаром под гору свадьба скатится!..
В ровном поле плещется осень,
Словно красно вино на скатерти!

ПРЕДЗИМЬЕ

Потучнели,
Медлительны стали стада.
Подола подобралши,
Откланялось лето,
Засветлелась
И стала холодным запретом,
А не теплою лаской
В речушке вода.

Почернели и набок осели стога,
В голом поле они и огромней,
И строже.

Роща, близкая сердцу, —
Ему далека,
Улетевшие иволги — ближе, дороже.

Запоздалые птицы спешили на юг,
Чернолесье гуляло на свадьбах лосиных.
И напал на осины
Осенний испуг:
Задрожали от ветра,
Появились осины.

Потускнели осины:
Жалей не жалей.
И широкая песня летит на приволье:
«Слава,
Слава бескрайной и доброй земле!
Мир тебе,
Терпеливое русское поле!..»

Ты досталась мне,
Новая песня,
Нежней,
И прекрасней,
И чище,
И выше, чем прежде!
Мне теперь бы ту юную-юную нежность,
Удивленность былую —
К тревоге моей!

Мне теперь бы из детства —
Любая беда,
Мне из дальнего детства —
Любые запреты!..
Догорает последними искрами лето.
Как всегда.

+++

На полях кончается работа,
На полях — колючее жнивье.
Скоро-скоро
Долгая дремота
Мокрые щачобы обовьет.

И надломится последний колос,
Обойденный жаткой второпях.
Одиноко в спутанных ветвях:
— Осень, осень! —
Кличет чей-то голос.

Что зовешь ты долго и упорно?
Подожди:
Всему придет черед!
Слышишь, осень раздувает горны?
Всё спалит.
И угли разнесет.

И когда зима, снега набросив,
В долгий вечер позовет ко сну,
Ты не раз вспомнешь про весну,
Сирий голос,
Отлюбивший осень.

+++

Пропахший влагой и дымком,
В моем краю покой осенний
Стучится в дверь,
Заходит в сени,
По хате бродит босиком.

Журавль круче спину выгнул:
Ждал десять лет меня
Скрипун.
Другие кони топчут выгон,
И стерегу не я табун.

Осело,
Как старик на посох,
На столбик оперлось крыльцо.
И память ищет среди курносых
Мое девчоночье лицо.

ИДУ НАВСТРЕЧУ

Дождички,
Дожди,
Дожди
Ходят лесом: «Чок да чок!»
Полинялые косынки
Растерял березнячок.

По разбросанным косынкам,
Заглядысь в бегучий плес,
Бродит песня-невидимка,
Кличет,
Мается до слез.

Я ищу,
Иду навстречу
Час ли, два ли напролет:
Неужель того не встречу,
Кто горюет и поет?